

МЕЖДУНАРОДНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Россия и Римский статут Международного уголовного суда

*Скуратова А.Ю.**

В статье анализируются причины изменения позиции России, ранее подписавшей Римский статут, применительно к участию в Международном уголовном суде (далее – МУС). Анализируются ряд промежуточных итогов деятельности Суда, показаны выявившиеся сложности при рассмотрении ряда дел. Исследуются юридические проблемы, связанные с ситуацией, когда Суд может начинать расследование дела в отношении граждан государства, не являющегося участником Статута и не признающего юрисдикцию Суда. Рассмотрены основные дискуссионные положения опубликованного в 2016 г. ежегодного доклада Прокурора МУС о ходе расследований ситуации на Украине, озвучены оценки Канцелярии Прокурора МУС известных событий на Украине, проведенного референдума в Крыму. Автором оценивается правомерность таких оценок, их юридическое значение с точки зрения компетенции Суда. В заключении обозначены основные правовые последствия выхода России из Римского статута МУС.

Ключевые слова: Международный уголовный суд; Римский статут; юрисдикция суда; применение договора; доклад Канцелярии Прокурора МУС.

Президент Российской Федерации 16 ноября 2016 г. подписал Распоряжение № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда». В документе предусмотрено «принять предложение Минюста России, согласованное с Министерством иностранных дел России и другими заинтересованными федеральными органами исполнительной власти,

* Скуратова Александра Юрьевна – к.ю.н., доцент кафедры международного права МГИМО МИД России. interlawmgimo@bk.ru.

с Верховным Судом Российской Федерации, Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Следственным комитетом Российской Федерации, о направлении Генеральному секретарю ООН уведомления о намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда»¹.

Примечательно, что Венская конвенция 1969 г. о праве международных договоров использует такую формулировку, как «намерение не становиться участником договора» применительно к временно применяемым договорам («если в договоре не предусматривается иное или участвовавшие в переговорах государства не договорились об ином, временное применение договора или части договора в отношении государства прекращается, если это государство уведомит другие государства, между которыми временно применяется договор, о своем намерении не становиться участником договора» (п. 2 ст.25 Конвенции)). Отметим, что Римский статут Россией временно не применялся, однако использование в данной ситуации такой формулировки Конвенцией не запрещено. В 2002 г. Соединенные Штаты Америки использовали аналогичную формулировку, принимая решение об отказе в участии в Римском статуте Международного уголовного суда.

Решение России о намерении не становиться участником Римского статута была вызвана определенными причинами как объективного характера, так и позицией Суда в отношении России; представляется востребованным их рассмотрение.

Учредительный акт Международного уголовного суда – Римский статут, напомним, был принят на дипломатической конференции в Риме в 1998 г., вступил в силу в 2002 г. Россия данный документ подписала в 2000 г., но его не ратифицировала. После подписания данного документа в отечественной доктрине было опубликовано много научных трудов о новом органе международной уголовной юстиции, анализировались потенциальные случаи коллизии обязательств России по Римскому статуту и положений Конституции РФ². Одним из принципиальных стал вопрос о соотношении обязательства передачи государством подозреваемого лица в распоряжение Суда (ст. 89-91 Статута) и ст. 61 Конституции, предусматривавшей невозможность выдачи собственных граждан³.

На Международный уголовный суд возлагали большие надежды; высказывались положительные оценки в адрес Суда еще до начала его деятельности. Такие оценки и ожидания отражены во многих научных исследованиях, как отечественных, так и зарубежных. Связано было это, в том числе, и с тем, что созданные в 1990-х годах трибуналы *ad hoc* по бывшей Югославии и Руанде достаточно часто подвергались критике – как по вопросу о правомерности их создания Советом Безопасности ООН (Устав ООН, напомним, полномочия создавать судебные органы Совету Безопасности ООН не предоставляет), так и по вопросу их деятельности. Больше критических оценок вызвала деятельность трибунала по бывшей Югославии, озвучивались сомнения в беспри-

страстности данного судебного органа, нацеленности его юридическо-го внимания именно в отношении сербов. Так, было отмечено: «недвусмысленные заявления представителей Западной Европы и США, предшествующие созданию Трибунала, давали основания рассматривать эту акцию как санкцию, направленную против одной из сторон в конфликте, ответственность за последствия которого разделяют все участники. На международных конференциях по бывшей Югославии ... сербы заранее обвинялись в «нарушениях международного права» и «умышленных и систематических актах террора против других наций»⁴. Указывалось, что трибунал с самого начала своей работы «не смог избежать политизированности и двойного стандарта, будучи антисербски настроенным. Об этом, в частности, свидетельствует то, что большая часть обвиняемых – сербы; одновременно трибунал закрывает глаза на преступления, совершенные другими сторонами конфликта»⁵. Не способствовала формированию позитивного образа трибунала и смерть в 2006 г. в Гааге бывшего лидера Югославии С. Милошевича, в процессе рассмотрения его дела трибуналом»⁶.

На этом фоне критики трибуналов *ad hoc* Международный уголовный суд имел убедительные юридические преимущества, что и повлекло достаточно быстрое получение требуемого для вступления в силу Статута количества ратификаций – 60; к 2016 г. участниками Статута являются 124 государства, что позволяет говорить о широкой международной поддержке Суда⁷. Таких преимущественных аспектов несколько.

Во-первых, юридической основой создания Суда стал универсальный международный договор, но не резолюция Совета Безопасности ООН. Этот способ создания судебного органа является наиболее оптимальным: каждое государство добровольно решает вопрос об участии в учредительном акте, о последующем распространении на него юрисдикции Суда. Создание трибуналов по бывшей Югославии и Руанде не было обусловлено согласием этих стран, юрисдикция трибуналов распространялась на граждан и территорию данных государств безотносительно их воли.

Во-вторых, Комиссия международного права ООН, которая работала над разработкой текста Статута около 50 лет, смогла учесть и отразить в его тексте как юридически фундаментальные положения, заложенные Уставом и Приговором Нюрнбергского трибунала, так и последующее развитие международного права в области индивидуальной ответственности за совершение международных преступлений. Речь идет, в частности, о Конвенции 1948 г. о пресечении преступления геноцида и наказании за него, Женевских конвенциях 1949 г., Дополнительных протоколов к ним 1977 г., Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, касающейся определения агрессии 1974 г., Конвенции о неприменимости сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности 1968 г., ряде других.

В-третьих, в Римском Статуте зафиксирован принцип, что Суд «дополняет национальные органы уголовной юстиции» (ст. 17 Статута),

что предполагает начало деятельности Суда лишь в тех случаях, когда соответствующие судебные органы государства не могут функционировать надлежащим образом, или их деятельность оказывается неэффективной. Таким образом, положения Статута предоставляют возможность привлекать виновных лиц к уголовной ответственности в первую очередь в рамках национальных правовых систем, и только в случае их бездействия или неэффективности может быть задействован механизм Суда. Подобное юридическое оформление Суда как дополнительного, или вспомогательного средства по отношению к национальной судебной системе, вероятно, позволило снять возможное настороженное отношение государств и получить большое количество участников Статута (напомним, в трибуналах *ad hoc* был предусмотрена иная схема: наряду с тем, что трибуналы и национальные суды имели параллельную юрисдикцию в отношении судебного преследования лиц, юрисдикция трибуналов имела приоритет по отношению к юрисдикции национальных судов – на любом этапе судебного разбирательства трибуналы могли требовать передать им производство по делу).

Таким образом, наличие подобных юридических преимуществ преопределило решение многих государств стать участниками Римского статута. Такое участие стало своего рода критерием правопослушности государств, их приверженности принципам справедливого судопроизводства и неотвратимости наказания для виновных лиц, стремлением продемонстрировать готовность при необходимости передать своих граждан Суду для привлечения к ответственности. Как указывалось в Преамбуле Римского статута: «самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность всего международного сообщества, не должны оставаться безнаказанными, ...их действенное преследование должно быть обеспечено ...активизацией международного сотрудничества» и государства принимают Статут «будучи преисполнены решимости положить конец безнаказанности лиц, совершающих ...преступления».

Между тем, решение стать участниками Римского статута не приняли такие крупные государства, как Китай, Индия, Турция. В 2000 г. США подписали Статут, но впоследствии свою подпись отозвали. В мае 2002 г. администрация США направила в Секретариат ООН ноту, в которой указывалось: «Относительно Римского статута МУС настоящим доводим до Вашего сведения, что Соединенные Штаты не намерены стать участником этого договора. Соответственно Соединенные Штаты не несут юридических обязательств, вытекавших из их подписи, совершенной 31 декабря 2000 г. Соединенные Штаты просят, чтобы их намерение не быть участником, как это следует из настоящей ноты, было отражено в списке депозитария о статусе, относящемся к этому договору»⁸. Отметим, что это было сделано еще до того, когда можно было оценить первые результаты деятельности Суда. Более того, впоследствии США стали заключать с рядом государств двусторонние «соглашения об иммунитете», посредством которых исключается возможность привлечения американских граждан Судом к ответственно-

сти. Такие договоры, в частности, предусматривают, что если американский гражданин будет находиться на территории государства-члена МУС и в отношении него поступит запрос передать его в распоряжение Суда, то такое государство обязуется выдать это лицо не Суду, но властям США.

В 2000 г. Россия Римский статут подписала, впоследствии вопрос о целесообразности его ратификации обсуждался в научных кругах, однако положительного решения органов государственной власти не было. Можем предположить, что была взята некоторая пауза для оценки первых результатов деятельности Суда. Такие промежуточные результаты оценивались неоднозначно. Среди причин, обусловивших появление критических оценок деятельности МУС, можно выделить объективные (со стороны представителей различных государств), так и субъективные (применительно к позиции Суда в отношении России).

Объективных причин несколько. В настоящее время на рассмотрении Международного уголовного суда находится ряд дел и 9 ситуаций. Следует уточнить, что термин «ситуация», используемый в Римском статуте, имеет иное значение, чем в ст. 34 и 35 Устава ООН. В ст. 13 и 14 Римского статута данный термин определяется как «ситуация, при которой, как представляется, были совершены одно или несколько преступлений, подпадающих под юрисдикцию Суда». По итогам расследования обстоятельств в рамках таких ситуаций может быть принято решение либо о начале судебного преследования (п. 3 и п. 4 ст. 15 Статута), либо об отказе (п. 5 ст. 15 Статута). Инициатором расследования может быть Прокурор Суда, государство-участник Статута и Совет Безопасности ООН, действующий на основании главы VII Устава ООН.

Некоторые ситуации были переданы в Канцелярию Прокурора МУС по инициативе соответствующих государств: Демократическая Республика Конго, Центральная-Африканской Республики, Уганды, Мали. По инициативе Прокурора Суда, например, было начато официальное расследование в ситуации в Кении. Совет Безопасности ООН инициировал расследование дела Судом в Судане, Ливии.

Первое основание для критики - сфокусированность внимания Суда преимущественно на африканские государства. Поначалу негативная реакция проявлялась в выступлениях официальных представителей африканских государств, однако в 2016 г. некоторые страны решили выйти из состава МУС. Более того, отмечено принятие согласованного решения в рамках Африканского Союза о разработке мер по скоординированному выходу из Римского статута государств африканского континента⁹. Так, причину выхода Гамбии из Римского статута озвучил объяснил министр информации Гамбии: «Этот шаг объясняется тем, что суд, хотя и именуется Международным уголовным, на самом деле является Международным расистским судом, созданным для наказания и унижения цветных, особенно африканцев»¹⁰. При этом министр указал, что в настоящий момент из 10 дел, находящихся на рассмотрении МУС, 9 касаются государств Африканского континента. В официаль-

ном заявлении правительства Гамбии отмечено: «минимум 30 западных стран с момента основания МУС совершили чудовищные военные преступления против независимых суверенных государств и их граждан, но ни один западный военный преступник не предстал перед судом». Поводом для выхода Гамбии из МУС стал вызов в суд главы государства по делу о гибели мигрантов в Средиземном море. Правительство Гамбии потребовало, чтобы сперва перед судом предстали государственные деятели ЕС, но не получило ответа¹¹.

Схожую позицию по отношению к Суду заняли и другие государства – осенью 2016 г. из Римского статута вышла ЮАР, Бурунди, аналогичный шаг в ближайшее время планирует рассмотреть Кения и Намибия.

Второе основание для критики МУС: дисбаланс между результатами деятельности и израсходованными на его деятельность средствами. Показателен факт – за 14 лет своей работы МУС вынес всего 4 приговора, израсходовав при этом более 1 млрд. долларов¹².

Третье основание – позиция Суда в отношении ситуации в Ливии и Дарфуре (Судан). Данные расследования примечательны двумя обстоятельствами. Первое: ни Ливия, ни Судан не являются членами Суда. В обоих случаях процесс передачи Прокурору ситуации для расследования инициировал Совет Безопасности ООН (это право предоставлено ему на основании п. b ст. 13 Статута)¹³. Известно, что «договор не создает обязательств или прав для третьего государств без его на то согласия» (ст. 34 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.). Судан и Ливия не являются участниками Римского статута, их согласия на принятие обязательств по Римскому статуту выражено не было. Обязанность органов власти Судана и Ливии сотрудничать с Судом вытекает из обязательства государств выполнять решения Совета Безопасности, закрепленного в ст. 25 Устава ООН, при этом обязательства государств по Уставу ООН имеют преимущественную силу (ст. 103 Устава ООН)¹⁴.

Совет Безопасности ООН квалифицировал ситуацию в Дарфуре в качестве угрозы международному миру и безопасности; указал, что правительство Судана и все остальные стороны конфликта обязаны в полной мере сотрудничать и оказывать любую необходимую помощь Суду и Прокурору во исполнение положений данной резолюции¹⁵. Применительно к ситуации в Ливии Совет Безопасности отметил, что «широкомасштабные и систематические нападения на гражданское население, происходящие в настоящее время в Ливийской Арабской Джамахирии, могут квалифицироваться как преступления против человечности» и постановил передать вопрос о ситуации в Ливии на рассмотрение Прокурора Международного уголовного суда¹⁶.

Вторая особенность расследования данных дел состоит в том, что по итогам изучения фактических обстоятельств Палатой предварительного производства были выданы ордера на арест действовавших на тот момент глав государств: главы Ливии М. Каддафи и президента Судана

Омара аль Башира. Ордера были выданы на основании согласия Палаты предварительного производства с доводами Прокурора о веских основаниях считать данных лиц причастными к совершению преступлений против человечности, а именно, убийствам и преследованиям гражданского населения¹⁷. Ордер на арест М. Каддафи был отозван в ноябре 2011 г., дело было закрыто по причине его смерти. В отношении ныне действующего главы Судана Палата предварительного производства со ссылкой на ст. 27 Статута указала: «нынешнее положение Омара аль Башира в качестве главы государства, не являющегося участником Римского статута, не влияет на осуществление Судом юрисдикции в отношении данного дела»¹⁸.

Данный ордер на арест подлежал рассылке всем государствам-участникам Римского статута и членам ООН, не являющимся участниками Статута. Каждое из государств, в случае нахождения главы Судана на своей территории, обязано принять меры для его задержания и передачи в распоряжение Суда в соответствии со ст. 89 и 91 Римского статута. Позднее, в 2010 г. Суд выдал второй ордер на его арест¹⁹.

Между тем данное достаточно громкое дело продемонстрировало отсутствие у ряда государств желания активно сотрудничать с Международным уголовным судом - на практике государства не проявляли намерения исполнять положения Статута. Глава Судана посетил с официальным визитом ряд стран - Кению (2010 г.), Китай (2011 г.), Ливию и Египет (2012 г.), однако данные государства не предприняли никаких мер по его задержанию и передаче в Суд, хотя являются членами ООН и некоторые из них - МУС (Кения). Прокурор выразил сожаление в отношении такой позиции игнорирования предписаний Суда. Однако такое решение государств вполне объяснимо – проблема официального статуса главы государства, его возможного ареста в ходе официального визита на территорию другого государства находится в политико-правовой плоскости, затрагивает достаточно чувствительные вопросы – очевидно, такой возможный арест мог бы создать весьма спорный прецедент.

Что касается *субъективных* причин отказа России от участия в Римском статуте, то можем предположить, что они были вызваны позицией Суда применительно к двум ситуациям – в Грузии и на Украине.

В начале 2016 г. Прокурор начал расследование преступлений, которые могли быть совершены во время конфликта в Южной Осетии и вблизи нее («in and around South Ossetia») с 1 июля по 10 октября 2008 г., поскольку пришел к выводу, что есть «разумные основания предположить, что в ситуации, связанной с Грузией, были совершены преступления, подпадающие под юрисдикцию МУС»²⁰, а именно, военные преступления и преступления против человечности. При этом Прокурор указал на «три стороны, вовлеченных в конфликт» - вооруженные силы Грузии, Южной Осетии и России (three parties involved in the armed conflict – the Georgian armed forces, the South Ossetian forces, and the Russian armed forces)²¹. Напоминая о дополнительном характере

юрисдикции Суда, Прокурор признал, что расследование преступлений было начато компетентными органами как России, так и Грузии, однако в Грузии в марте 2015 г. данные дела были прекращены (suspended). В этой связи Канцелярия Прокурора посчитала необходимым приступить к расследованию этой ситуации, призвав все стороны оказывать полную поддержку и содействие в проведении расследования. Между тем, по данным представителей правоохранительных органов Российской Федерации, в Канцелярию Прокурора МУС Россией было передано более 15 тысяч документов, касающихся данной ситуации, однако Суд не проявил к ним интереса. Как было указано в Заявлении Министерства иностранных дел РФ: «Нападение режима М. Саакашвили на мирный Цхинвал, убийство российских миротворцев породило со стороны МУС обвинения в адрес югоосетинских ополченцев и российских военнослужащих», при этом «расследование действий и приказов грузинских должностных лиц целенаправленно отдано на усмотрение грузинского правосудия и остается вне фокуса внимания прокуратуры МУС. В таких условиях вряд ли можно говорить о доверии к Международному уголовному суду»²².

Применительно к ситуации на Украине Суд также занял достаточно спорную юридическую позицию.

Украина не является участником Римского статута, но сделала заявление о признании его юрисдикции в соответствии с п. 3 ст. 12 Римского статута. В настоящее время ситуация на Украине находится в стадии предварительного расследования. Расследование осуществляется в отношении событий, произошедших на Майдане, на юго-востоке страны и в Крыму.

Как указывалось в опубликованном в ноябре 2016 г. отчете МУС о действиях по предварительному расследованию применительно к событиям на юго-востоке Украины и в Крыму, «оценка юрисдикции Суда включает анализ того, совершены ли предполагаемые преступления в рамках международного или немеждународного вооруженного конфликта. В этой связи ...Канцелярии Прокурора необходимо произвести подробную фактическую и правовую оценку соответствующих событий, включая анализ применимости права вооруженных конфликтов к ситуации в Украине начиная с 20 февраля 2014 г. с тем, чтобы определить, имеются ли достаточные основания для возбуждения расследования данной ситуации»²³.

В целом, намерение судебного органа провести юридическую оценку является целесообразным и справедливым. Тем более странным выглядит в этом документе уже сделанный вывод по обозначенному вопросу: «согласно поступившим сведениям, ситуация на территории Крыма и Севастополя равнозначна международному вооруженному конфликту между Украиной и Российской Федерацией. Данный международный вооруженный конфликт начался не позднее 26 февраля, когда Российская Федерация задействовала личный состав своих вооруженных сил для получения контроля над частями территории Украи-

ны без согласия правительства Украины». И далее: «право международных вооруженных конфликтов применимо и после 18 марта 2014 г. в той мере, в которой ситуация на территории Крыма и Севастополя будет равнозначна продолжающемуся состоянию оккупации»²⁴. Еще более странной выглядит применяемая формулировка «согласно поступившим сведениям» в качестве главного и единственного аргумента в пользу такого вывода²⁵.

В приведенном документе Прокурор затрагивает вопрос о референдуме в Крыму, указывая, что он был признан недействительным как временным правительством Украины (то есть, по сути, лицами, пришедшими к власти неконституционным путем), так и большинством государств-членов Генеральной Ассамблеи ООН. При этом вопрос о правомерности реализации права народа Крыма на самоопределение в данном контексте не поднят.

Между тем, в компетенцию МУС входит «осуществление юрисдикции в отношении лиц, ответственных за самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность международного сообщества» (ст. 1 Римского статута), то есть решение вопроса о виновности или невиновности конкретного индивида в преступлениях, вменяемых ему в вину, но не юридическая квалификация событий в качестве оккупации или оценка законности или незаконности проведенного референдума на территории какого-либо государства.

Нельзя не отметить и повышенный интерес Канцелярии Прокурора к ситуации в Крыму на фоне меньшего внимания к событиям на юго-востоке Украины в контексте жертв т.н. «антитеррористической операции», при том, что масштабы человеческих жертв несопоставимы. В докладе приводятся следующие данные, которые привлекли внимание Суда: «с марта 2014 г. в связи с ситуацией в Крыму пропало как минимум 10 человек»²⁶, «канцелярия Прокурора также анализирует два случая предполагаемых похищений и убийств активистов-представителей Крымских татар в марте и сентябре 2014 г.»²⁷, «нескольких случаях предполагаемого жестокого обращения в связи с арестами и похищениями, включая избиения, удушение и, как минимум в одном случае, угрозы сексуального насилия»²⁸.

В отношении событий, происходящих на юго-востоке Украины, в докладе постоянно подчеркивается об ответственности всех сторон конфликта (к которым отнесены Украина, ЛНР, ДНР и Россия)²⁹.

Промежуточные итоги приведенного доклада свидетельствуют в пользу того, что основные данные получены от Украины. Как указано, «Канцелярией Прокурора был получен большой объем сведений от правительства Украины, работающих в Украине НПО и иных организаций и лиц. В частности, Канцелярия Прокурора на данный момент занимается рассмотрением материалов, которые собраны НПО, функционирующими в Украине. Канцелярия Прокурора ... во время визита в Украину в октябре 2016 г. ... провела переговоры с представителями органов власти Украины, в частности, Генеральной прокуратурой Украи-

ны и Министерствами юстиции и иностранных дел, а также другими заинтересованными сторонами, включая ряд организаций гражданского общества, с целью дальнейшей проверки серьезности полученных сведений»³⁰. В данном контексте есть основания усомниться в дальнейшей беспристрастной оценке Судом полученных сведений. Между тем беспристрастность судебного органа – основополагающее условие для его восприятия международным сообществом государств в качестве независимого, авторитетного органа международного правосудия.

В отношении *правовых последствий*, которые влечет решение России о намерении не становиться участником Римского статута, можно отметить ряд моментов.

В Заявлении Министерства иностранных дел РФ указано: «Принятое Российской Федерацией решение не стать участником Статута МУС, или, иными словами, отозвать подпись под этим документом, влечет правовые последствия, предусмотренные Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 года»³¹. Прежде всего, нужно отметить принципиальный момент: Россия *не была участником Римского статута*. Условие для вступления Статута в силу, содержащееся в п. 2 ст. 125 Статута, а именно, его ратификацию, Россия не осуществила. Единственным обязательством, которым была связана Россия, являются положения ст. 18 Венской конвенции 1969 г. (обязательство не лишать договор его объекта и цели до вступления договора в силу³²); это обязательство нарушено не было.

Таким образом, юридический итог таков: решение не становиться участником Римского статута является правомерным; Россия является в отношении Римского статута третьим государством³³; к ней применяется ст. 34 Венской конвенции 1969 г. (договор не создает обязательств или прав для третьего государства без его на то согласия).

Наряду с этим в доктрине отмечается существование обязательства государств уважать договоры других государств. В частности, указывалось на наличие общей обязанности государств «уважать и признавать правомерные международные акты, заключенные между другими государствами, если они не нарушают прав третьих государств»³⁴. Согласно позиции А.Н. Талалаева, «сам факт существования действительного международного договора создает для не участвующих государств обязанность уважать такой договор»³⁵. Данное обязательство вытекает не из самих договоров, а из соответствующих принципов и норм общего международного права, прежде всего из принципов суверенного равенства и невмешательства. Особое значение имеет принцип добросовестности. Значение этого принципа не раз отмечалось Международным Судом ООН³⁶.

Russia and the Rome Statute of the International Criminal Court (Summary)

*Alexandra Y. Skuratova**

The present article provides the analysis of the reasons why Russia has changed its position towards the International Criminal Court. The article covers the intermediate results of ICC's work, including some legal difficulties appeared throughout the proceedings, especially when a state, which is not a party to a Rome statute, can be subject of the Court's investigation. The present article includes the analysis of report of Prosecutor's Office, published November 2016, concerning the situation in Ukraine and the Crimea's referendum. The author considers the legal consequences of the decision of Russian Federation not to be a state-party to the Rome statute of ICC.

Keywords: International Criminal Court; Rome statute of ICC; court's jurisdiction; the application of a treaty; report of Prosecutor's Office.

¹ <https://rg.ru/2016/11/18/statut-dok.html>

² Блищенко И.П. Международный уголовный суд / И.П. Блищенко, И.В. Фисенко. - М., 1998; Колодкин Р.А., Панин И.А. Обсуждение проекта Устава Международного уголовного суда в специальном комитете Генеральной Ассамблеи ООН // Московский журнал международного права. 1996. - № 4; Материалы конференции «Римский статут Международного уголовного суда: имплементация на национальном уровне». Москва, 4-5 февраля 2004 г. // Международное право. - Специальный выпуск. - М., 2005.; Материалы конференции «Римский Статут Международного уголовного суда». 9 – 10 июня 1998 г., г. Москва. - М., 2000; Шабас У.А. Международный уголовный суд: исторический шаг в деле борьбы с безнаказанностью // Московский журнал международного права. - 1999. - № 4; Гранкин И.В. Юрисдикция Международного уголовного суда / Дисс. канд. юр. наук: 12.00.10. М., 2005; Грицаев С.А. Теоретические аспекты правосудия по Римскому статуту Международного уголовного суда. Дис. канд. юр. наук. 12.00.10.; Подпоронова А.С. Международный уголовный суд в сравнительно-правовом анализе органов международного уголовного правосудия // Современное право. - 2004. - № 11.

³ Тузмухамедов Б.Р. Римский Статут Международного Уголовного Суда: возможные проблемы конституционности // Московский журнал международного права. - № 2/2002/46.

⁴ Асатур А.А. Развитие международного уголовного права и деятельность международных уголовных судов // Московский журнал международного права. -2000. - № 2, с. 286.

⁵ Костенко Н.И. Теоретические проблемы становления и развития международной уголовной юстиции. Дисс. на соискание ученой степени докт. юр. наук. - М., 2002. С. 36. См. также: Мезяев А.Б. Назначение адвоката на процессе против С. Милошевича в Гаагском трибунале: некоторые международно-правовые вопросы // Московский журнал международного права. - 2005. - № 2.

⁶ Михайлов Н.Г. Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии: компетенция, источники права, основные принципы деятельности. - М., 2006; Мезяев А.Б. Процесс против Слободана Милошевича в Гаагском трибунале: некоторые международно-правовые проблемы // Российский ежегодник международного права, 2004. Его же: Процесс против

* Alexandra Y. Skuratova – Ph.D, associate professor of the Chair of International law of Moscow State Institute of International Relations (University), MFA Russia. interlawmgimo@bk.ru

Слободана Милошевича в Гаагском трибунале. Записки из зала суда». – Казань, 2006; его же: Убийство Слободана Милошевича в Гаагском трибунале: Некоторые факты и вопросы международного права // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.14093, 18.12.2006.

⁷ Официальный сайт МУС: https://asp.icc-cpi.int/en_menus/asp/states%20parties

⁸ Нота Государственного департамента Генеральному Секретарю ООН от 6 мая 2002 г. Bureau of Political-Military Affairs, Washington, DC, August 2, 2002. <https://2001-2009.state.gov/t/pm/rls/fs/23426.htm#1>

⁹ Заявление МИД от 16.11.2016. www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/official_statement/-/asset_publisher/t2GCdmD8RNIr/content/id/2523566

¹⁰ https://lenta.ru/news/2016/10/26/icc_quit

¹¹ Там же.

¹² Заявление МИД от 16.11.2016. www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/official_statement/-/asset_publisher/t2GCdmD8RNIr/content/id/2523566

¹³ Док. ООН: S/RES1970); S/RES/1593.

¹⁴ ICC-02/05 – 01/09 (4 March 2009). Decision on the Prosecution's Application for a Warrant of Arrest against Omar Hassan Ahmad al Bashir. P. 244-246.

¹⁵ S/RES/1593 (2005), п. 2.

¹⁶ S/RES/1970 (2011), п. 4.

¹⁷ ICC-01/11-01/11 The Prosecutor v. Muammar Mohammed Abu Minyar Gaddafi, Saif Al-Islam Gaddafi and Abdullah Al-Senussi.

¹⁸ Статья 27 Римского статута гласит: «1. Настоящий Статут применяется в равной мере ко всем лицам без какого бы то ни было различия на основе должностного положения. В частности, должностное положение как главы государства или правительства, члена правительства или парламента, избранного представителя или должностного лица правительства ни в коем случае не освобождает лицо от уголовной ответственности согласно настоящему Статуту и не является само по себе основанием для смягчения приговора. 2. Иммунитеты или специальные процессуальные нормы, которые могут быть связаны с должностным положением лица, будь то согласно национальному или международному праву, не должны препятствовать осуществлению Судом его юрисдикции в отношении такого лица». См. подробнее: Скуратова А.Ю. К вопросу об иммунитете от уголовной юрисдикции должностных лиц в случае совершения международных преступлений // Московский журнал международного права. – 2009. - №3; Русинова В.Н. Иммунитеты высших должностных лиц и их уголовное преследование за международные преступления // Московский журнал международного права. – 2006. - №2; Колодкин Р.А. Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции // Юрист-международник. – 2005. - № 3.

¹⁹ ICC-02/05-01/09-95. Second Warrant of Arrest for Omar Hassan Ahmad Al Bashir.

²⁰ ICC-01/15 (Situation in Georgia).

²¹ <https://www.icc-cpi.int/Pages/item.aspx?name=otp-stat-27-01-2016-georgia>

²² Заявление МИД от 16.11.2016.

www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/official_statement/-/asset_publisher/t2GCdmD8RNIr/content/id/2523566

²³ Отчет о действиях по предварительному расследованию ситуации на Украине; п. 154. <https://www.icc-cpi.int/iccdocs/otp/161114-otp-rep-PE-Ukraine.pdf>

²⁴ Отчет о действиях по предварительному расследованию ситуации на Украине; п. 158. <https://www.icc-cpi.int/iccdocs/otp/161114-otp-rep-PE-Ukraine.pdf>

²⁵ Как указывает Мезяев А.Б.: «В докладе Ф. Бенсуды (Прокурор Суда – прим. автора) используются формулировки типа «поступила информация», «имеются сведения» и т.п., но задачей прокурора является не пересказ поступающих к ней писем, а проведение расследования. Кроме того, отсутствие в докладе альтернативных позиций говорит, что «поступившие сведения» - это именно то, что хотелось бы утверждать самому прокурору. Устанавливая ряд критически важных юридических фактов, прокурор МУС делает заведомо ложные выводы». См.: Мезяев А.Б. Россия вышла из Международного уголовного суда, вставшего на путь фальсификации. <http://www.fondsk.ru/news/2016/11/17>.

²⁶ Отчет о действиях по предварительному расследованию ситуации на Украине; п. 173. <https://www.icc-cpi.int/iccdocs/otp/161114-otp-rep-PE-Ukraine.pdf>.

²⁷ Там же, п. 173.

²⁸ Там же, п. 174.

²⁹ Там же, п. 168-169.

³⁰ Там же, п. 185, 188.

³¹ Заявление МИД от 16.11.2016.

www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/official_statement/-/asset_publisher/t2GCdmD8RNlr/content/id/2523566

³² Государство обязано воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели, если: а) оно подписало договор или обменялось документами, образующими договор, под условием ратификации, принятия или утверждения, до тех пор пока оно не выразит ясно своего намерения не стать участником этого договора; или б) оно выразило согласие на обязательность для него договора, до вступления договора в силу и при условии, что такое вступление в силу не будет чрезмерно задерживаться (ст. 18 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.)

³³ Согласно п. h ст. 2 Венской конвенции 1969 г. «третье государство» означает государство, не являющееся участником договора.

³⁴ Цит. по: Лукашук И.И. Современное право международных договоров. В 2-х томах. – М., 2004. Т. 1, с. 239-240.

³⁵ Талалаев А.Н. Венская конвенция о праве международных договоров. Комментарий. – М., 1997. С. 98.

³⁶ ICJ. Reports. 1984. P. 418. Цит. по: Лукашук И.И. Современное право международных договоров. В 2-х томах. – М., 2004. Т. 1, с. 239.